

(1)Я все чаще думаю о том, как трудно быть истинно благодарным, то есть принести пользу тому, кто оказал нам некогда истинное благодеяние. (2)Неуважение к заслугам, а еще более неблагодарность, представлялись всегда моему воображению в самом отвратительном виде. (3)В душе я никогда не был неблагодарным, но — увы! (4) На деле я не сумел или даже не захотел (кто доберётся до правды, роясь в хламe сердца!) быть благодарным именно там, где благодарность была священным долгом. (5)Правда, во всей моей жизни не так много случаев такого долга. (6)Я имел твердое намерение отблагодарить — и не однажды, — но судьба не дала мне этого сделать. (7)Один случай касается целого периода моей жизни; здесь я скажу только, что я считал себя обязанным благодарностью почтенному семейству профессора Мойера, и именно его почтеннейшей теще Екатерине, урожденной Буниной (сестре по отцу Василия Андреевича Жуковского). (8)Я был принят в этом семействе как родной и мечтал о женитьбе на его дочери. (9)Мечтам юности не суждено было осуществиться, и я поневоле остался в долгу у незабвенной Екатерины Афанасьевны. (10)Наконец, самый священный долг, оставшийся не так выполненным, — как бы мне теперь (но, увы, поздно!) хотелось это сделать, — был долг благодарности моей матери и двум старшим сестрам. (11)Со смерти отца, с 1824 по 1827 год, эти три женщины содержали меня своими трудами. Кое-какие крохи, оставшиеся после разгрома отцовского состояния, недолго тянулись; и мать, и сестры принялись за мелкие работы; одна из сестер поступила на работу в какое-то благотворительное детское заведение в Москве и своим крохотным жалованьем поддерживала существование семьи. (13)Уроков я не мог давать: одна ходьба в университет с Пресненских прудов брала взад и вперед часа четыре времени, да мать и не хотела, чтобы я работал. (14)Ты будешь, — говорилось, — чужой хлеб заедать; пока хоть какая-нибудь есть возможность, живи на нашем. (15)Так и перебивались. (16)К счастью нашему, в то блаженное время не платили за лекции, не носили мундиров, и даже когда введены были мундиры, то мне сшили сёстры из старых вещей какую-то мундирную куртку с красным воротником, и я, чтобы не обнаружить несоблюдения формы, сидел на лекциях в шинели, выставляя на вид только светлые пуговицы и красный воротник. (17)Как мы выжили в Москве во время моего студенчества, для меня осталось загадкой. (18)Квартира и отопление были, правда, даровые у дяди в течение года. (19)А содержание? (20) А платье? (21) Две сестры, мать и две служанки, и я на прибавку. (22)Сестры работали; продавались кое-какие остатки, но как до этого доставало — не понимаю. (23) Иногда, только иногда, в торжественные праздники, помогал мой крестный отец, Семен Андреевич Лукутин; помогали иногда кое-какие старые знакомые. (24)Но я не был благодарным по отношению к ним, о чем сейчас сожалею.

(По Н.И. Пирогову)